

St John's Church News No 85: November 2016

**ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО
ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN**

His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev. Metropolitan Hilarion, First Hierarch of the Church Outside Russia

For this newsletter in electronic form: www.orthodoxengland.org.uk/zchurchnews.htm

Исповедь / Confession and Contact: о. Андрей / Fr Andrew: **T:** 01394 273820 /

E: frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / **W:** www.orthodoxengland.org.uk

Русская и Украинская Школа / Russian and Ukrainian School: Sophia Bown:
safi@mail.ru

Воскресная Школа / Sunday School: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

Сторож / Caretaker: Paul Hopkins, 69, Military Road

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Расписание Богослужений / Services in November

Saturday 5 November

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 6 November

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 12 November

No Vigil because of Liturgy in Norwich/ Всенощное бдения нет, литургия в Нориче

Sunday 13 November

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Saturday 19 November

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 20 November

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 26 November

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 27 November

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Baptisms in October:

22 October: Andrei Cebuc

22 October: Giulia Dumitrache

29 October: Gabriela Fekete

29 October: Antonia Rusu

30 October Ekaterina Dumitrascu

Weddings in October:

23 October: Constantin Sorescu and Gheorghita Pelin

30 October: Dmitrijs Ovcherenko and Valentina Smirnova

Funeral in October:

31 October: Irina Lansley, aged 95, the Russo-Greek opera singer descended from the Imperial Comnenoi family of Constantinople and donor to us of a piece of the True Cross that is contained inside the cross that you kiss every Sunday. Eternal Memory!

Apologies for the lateness of this Newsletter, caused by the inability of BT to provide an internet service for nine days!!

ПАРАД 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

[Диакон Владимир Василик](#)

Парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади

75 лет назад произошло значимое событие в истории Великой Отечественной войны, сравнимое с победой в военной операции. Это — парад 7 ноября 1941 г. Он явился образцом не только великолепной организации, но и духовного мужества русского советского человека.

Если бы кто в конце октября 1941 г. мог предположить, что 7 ноября в Москве пройдет традиционный парад в честь очередной годовщины революции, то его бы сочли сумасшедшим.

Когда Сталин спросил, следует ли проводить парад, генералы и наркомы его не сразу даже поняли

Готовился совсем другой парад — с немецкой стороны. После разгрома Центрального фронта и окружения трех армий под Вязьмой в начале октября многие считали, что Москва падет. Из столицы 16 октября началась массовая эвакуация, во многом стихийная. Эвакуировались наркоматы, посольства, заводы и мосты минировались на случай, если немцы все же ворвутся в Москву. В конце ноября немцы стояли в 70-80 км от столицы, и советские войска вели тяжелые оборонительные бои. И когда Сталин на совещании 28 октября спросил, следует ли проводить парад, генералы и наркомы его не сразу даже поняли. И лишь после третьего вопроса горячо поддержали: «Да, конечно, это поднимет дух и армии, и народа».

Существовало два препятствия. Первое — возможное немецкое наступление в день парада. Однако Г.К. Жуков, командующий Центральным фронтом с 10 октября, ручался, что немцы его не начнут, поскольку понесли большие потери и выдохлись. Им нужно время, чтобы вновь накопить силы. И второе — возможный налет немецких самолетов на Москву в день парада и опасность удара по Красной площади, которую надлежало перед парадом демаскировать. Жуков предложил нанести превентивный удар по немецким аэродромам и привлечь для защиты Московского неба авиацию других фронтов. Первого-второго ноября прошли интенсивные бомбежки немецких аэродромов, в частности, под Калинином, где базировались истребители, сопровождавшие бомбардировщики на Москву. Однако в самый день парада пошел снег и началась метель. Угроза с воздуха отпала.

Подготовка к параду велась в сжатые сроки. Оркестр пришлось собирать «с бору по сосенке» и репетировать в условиях секретности. О самом параде военным объявили накануне в 23-00, а представителям трудящихся и того позднее — в 5-00. В параде участвовало 28 467 человек, в том числе: 19 044 пехотинцев, 546 кавалеристов; 732 стрелка и пулеметчика, 2165 артиллеристов, 450 танкистов, 5520 ополченцев (20 батальонов). В параде на Красной площади участвовало 16 тачанок, вооружение и военная техника были представлены 296 пулеметами, 18 минометами, 12 зенитными пулеметами, 12 малокалиберными и 128 орудиями средней и большой мощности, 160 танками (70 БТ-7, 48 Т-60, 40 Т-34, 2 КВ). В

воздушном параде предполагалось и участие 300 самолетов. Однако из-за сильного снегопада и пурги воздушный парад был отменен.

Парад начался ровно в 8:00 7 ноября. Вот как описывала его начало газета «Вечерняя Москва»: «Часы Спасской башни гулко бросили на площадь восемь ударов. — Парад, смирно! Из ворот Спасской башни на добром, горячем коне выезжает заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза тов. Буденный. Навстречу ему скачет командующий парадом генерал-лейтенант тов. Артемьев.

Приняв рапорт, тов. Буденный в сопровождении генерал-лейтенанта объехал войска, выстроенные к параду, и поздоровался с ними. Бодрым «ура» отвечали бойцы на приветствие Маршала Советского Союза. Закончив объезд, товарищ Буденный подъехал к Мавзолею, легко соскочил с коня и поднялся на трибуну.

Оркестр подал сигнал «Слушайте все!» На Красной площади воцарилась полная тишина, и с короткой речью к войскам и народу страны обратился Председатель ГКО, Верховный Главнокомандующий и нарком обороны СССР И.В. Сталин».

В речи Сталина следует выделить два момента. Первое — то, что он, поздравляя с революционным праздником, использовал революционную риторику по самому минимуму и свел всю гражданскую войну к победе над интервентами. И напротив, напомнил о великих именах русской истории великокняжеского и царского периода, которые осмеивались и оплевывались в 1920-е и в начале 1930-х годов: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!». Здесь трудно не увидеть пересечения с обращением патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия: «Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину». Те русские православные люди, которые слушали парад или читали о нем, особенно глубоко переживали восстановление патриотизма и произнесение святых имен русских вождей главой государства. Весть о параде в осажденной Москве быстро облетела буквально весь мир.

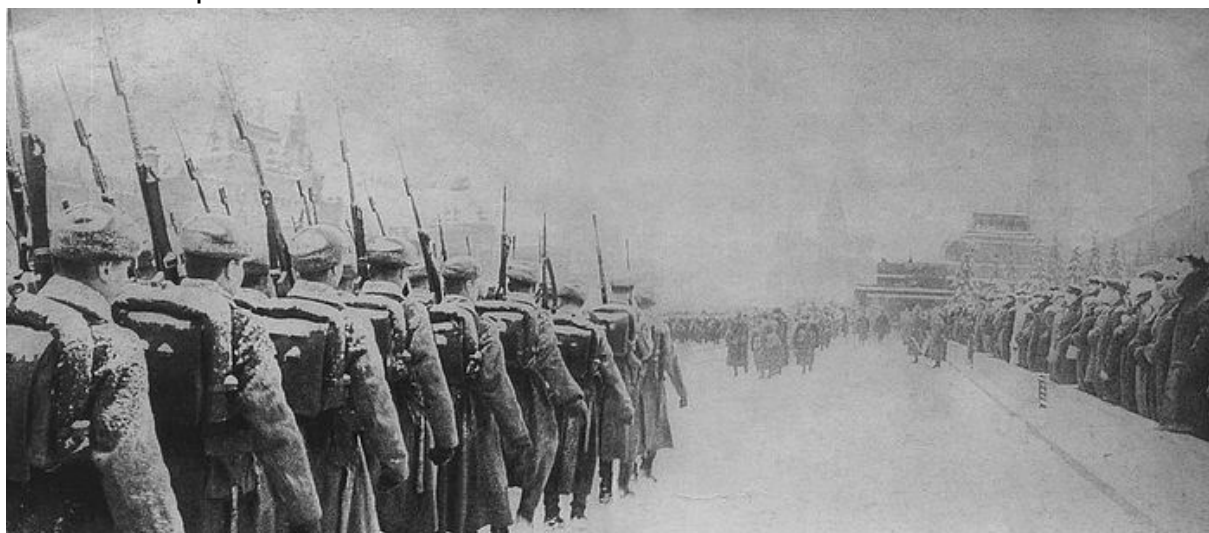
Свидетельствует ныне здравствующий блокадник, д.и.н., проф. СПбГУ Ю.Г. Алексеев о своей жизни в блокадном Ленинграде и о впечатлении, которое оказал на него парад и речь вождя: «Из магазинов исчезали продукты, сокращалась выдача хлеба. Начались постоянные артобстрелы, бомбежки. Но самым страшным днем для меня стало 16 октября, когда в газетах я прочитал: «Москва на осадном положении». В голову не вмещалось, что Москву сдадут. И насколько радостной оказалась весть о параде 7 ноября 1941 г. и речь Сталина, его призывы: «Под знаменами Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова — вперед к победе». И думалось: «Слава Богу! Конец этому проклятому

троцкистскому интернационализму. Возвращается русский патриотизм».

С обращением местоблюстителя Сергия сталинскую речь объединяет еще одна черта — исторический оптимизм. Вот что говорил глава государства: «Вспомните 1918 год. Три четверти нашей страны находилось тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу землю. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы».

Сравним это со словами местоблюстителя: «Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями».

С речью произошла накладка. Кинооператоры не смогли толком ее заснять, и поэтому пришлось повторять ее заново. 14 ноября в Свердловском зале бывшего здания Сената была собрана точная копия центральной трибуны Мавзолея, установлены осветительные приборы, кинокамеры, микрофон. На следующий день, 15 ноября 1941 г., была сделана запись выступления И.В. Сталина, которая и вошла в фильм режиссера Л. Варламова «XXIV-ый Октябрь. Речь И.В. Сталина». Кадры парада впоследствии вошли в фильм режиссеров Л. Варламова и И. Копалина «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», вышедший на экраны 23 февраля 1942 г. и получивший в 1943 г. первый в СССР американский «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм». Ни зрители, ни кинокритики не заметили, что у Сталина изо рта не шел пар, хотя и это предусматривалось: в Сенате открыли окна.

Парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади

После речи Сталина под звуки марша С.А. Чернецкого «Парад» началось торжественное движение войск, первым шел сводный батальон курсантов 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища во главе с начальником училища полковником Ю.П. Бажановым. После прохождения пехоты грянул марш «Кавалерийская рысь», и на площадь вступили кавалеристы, за которыми неслись пулеметные тачанки. За ними шли автомобили с зенитными установками. В завершении парада прогрохотали танки — легкие (БТ-7), средние (Т-34), тяжелые — 2 КВ (остальные были нужны на фронте). На следующий день многие участники парада уже были на передовой.

Во время парада готовились к худшему — к немецкому налету. Были развернуты медицинские и спасательные части. Но, слава Богу, они не потребовались. Немецкой бомбежки не было. И не только из-за плохой погоды, но, в первую очередь, благодаря подвигу наших летчиков и зенитчиков. А история его такова.

Естественно, русские команды, русские марши и грохот советских сапог были слышны и в Берлине. Никто из приближенных не рискнул осведомить Гитлера о Московском параде, не желая ранить его «нежное» сердце. Он сам узнал об этом, случайно включив приемник, и, даже не зная русского языка, понял, что происходит. В припадке дикой ярости он помчался к телефону и вызвал командира бомбардировочной эскадры, базировавшейся под Москвой. Он отчитал его как мальчишку, не слушая его «жалкий лепет оправдания» и ссылки на нелетную погоду, и под конец головомойки сказал: «Даю вам час для искупления вины. Парад нужно разбомбить во что бы то ни стало. Немедленно вылетайте всем вашим соединением. Ведите его сами. Лично!» Это было самоубийство: над Москвой бушевала метель. Тем не менее приказ есть приказ: соединение взлетело и пошло на Москву. Но ни один бомбардировщик до нее не добрался. На ближних подступах к городу истребители 6 корпуса и зенитчики ПВО Москвы уничтожили 34 немецких самолета.

Помянем тех, кто сохранил для нас наше Отечество, кто явил миру несгибаемость духа русского человека

В эти дни помянем тех, кто сохранил для нас наше Отечество, наш стольный град Москву, кто явил миру несгибаемость духа русского человека, его веру и волю к победе. И в этот день по-особому звучат слова песни из кинофильма «Битва за Москву»:

*«Слышится нам эхо давнего парада,
Сняты нам маршруты главного броска,
Ты — моя надежда, ты — моя отрада,
В сердце у солдата ты, моя Москва.
Мы свою победу выстрадали честно,
Преданы святому кровному родству,
В каждом новом доме, в каждой новой песне
Помните ушедших в битву за Москву.*

*Серые шинели. Русские таланты.
Синее сиянье неподкупных глаз...
На равнинах снежных — юные курсанты.
Началось бессмертье. Жизнь оборвалась.
Мне на этом свете ничего не надо,
Только б в лихолетье ты была жива,
Ты — моя надежда, ты — моя отрада,
В каждом русском сердце ты, моя Москва».*

Диакон Владимир Василик

7 ноября 2016 г.

THE LOVE OF GOD WALKS WOUNDED THROUGH THE WORLD

Sermon on the day of holy Great Marty Demetrios the Myrrh- Gusher

Fr. Cyprian Negryanu

In the name of the Father and of the Son and of the Holy Spirit. Amen.

Today we have the remarkable and blessed feast of St. Demetrios of Thessaloniki. You know about the majority of his life, you know that he was the son of the mayor of Thessaloniki, that his parents were secret Christians and didn't even tell him about it. And only later, when he was already ten or twelve, they took him and showed him the room where they secretly went to pray to God before the icons. They told him that all the idols he heard about and the statues and temples that filled the city of Thessaloniki were demons, untruths, lies invented by the people, but the true God is the God of Sabbaoth, the Lord Jesus Christ, manifested in the flesh.

Then he came to believe and confessed God and was baptized, and when his father died, he became the mayor and received much praise and honor from the emperor. But as soon as Demetrios received authority over the city of Thessaloniki he began to close the places where people gathered to worship [idols](#) and publicly preached the true God. Having learned of this, the emperor sent him a message, that he himself was coming to hold trial over him and punish him. However, St. Demetrios did not stop, but only continued to confess Christ and strengthen the gathering places of the Christians and their abodes, hitherto secret, and helped them. He turned many to faith before the emperor arrived and threw him into prison to be tortured.

Perhaps there are three great features that distinguish St. Demetrios from other saints, as the scent of one flower differs from that of another. First, that he came from a noble family of rulers, from the mayor, and enjoyed riches and the praise and honor of the emperor. He could have counted on it in the future and cajoled himself with the hope of reaching Rome and becoming one of the emperor's confidants, but deemed it all worthless in comparison with the confession of Christ.

This was his distinguishing feature. Other martyrs thought alike, but he especially, like those who had great wealth, left everything and turned to God and confessed Him.

The second characteristic, which I can say is peculiar, which we don't find in the lives of other saints, is that he blessed Nestor to duel with Lyaeus who mocked Christians. It was precisely those whom he converted and helped that were taken to the arena to be killed and turned into nothing by this Lyaeus, a unique gladiator, reputed to be the strongest in the whole empire, a favorite of the emperor, mocking Christians, and, perhaps, killing them in

various ways, to delight the emperor who was entertained by watching Christians in the arena.

And here some youth named Nestor, perhaps already knowing Demetrios before, came to him to ask his blessing for a contest with this Lyaeus, that he could no more mock and kill Christians. Demetrios blessed him. If we know about the Great Martyr Mina that he always stands for justice, quickly helping when you lose something, or when you are treated unfairly, when you are despised despite that you have every right to be respected—then St. Demetrios, before the face of this injustice, this malice, this flood of hatred and unrighteousness which descends upon Christians, does not behave meekly, as a lamb or dove. But his blessing possessed the wisdom of a serpent, as the Savior says, [1] and the mocking of Christians ceased.

That is, his soul burned with a desire for truth. He thirsted for it—*blessed are those who hunger and thirst after righteousness...* [2] He was one of those who considered it unjust, what was happening when these people, these Christians, believers in Christ, the true God, suffered and underwent such derision. Although he knew that these Christians would not go unrewarded and that a great recompense awaited them in Heaven, still he stopped this injustice already here, on earth.

Perhaps, when a multitude of untruths, evil and adverse events one after the other bring such injustices upon us—even if we deserve them, even if we confess that they should fall upon us, that we are sent what we deserve—we can have St. Demetrios as our helper and say to him: “As then you could not bear to see the Christian race persecuted and scorned, and your blessing made the fragile Nestor stronger than the powerful Lyaeus, and he defeated him, so now do so. Pray to Christ, the Son of God, Whom you love, that He might help me.”

The third unique characteristic is that when they killed him, he raised his right arm—and so he is depicted in icons—when they rushed at him with spears to stab him. He raised his right arm, to be pierced in the right side, as Christ was pierced, and that by his very death he might confess Christ.

All of this we can see in several small details, and we can form an image of St. Demetrios and understand why God glorified him and vouchsafed him such esteem among people, as few saints were blessed with in this age.

Why did Nestor need his blessing? What does a blessing mean? Ultimately, it is prayer. After all, we are unable to bless by our own power, but we ask the blessings of God upon someone. Why did he need his blessing? Why does the blessing of many, or our own blessing have no power, but his had it? Beyond all doubt because he did it for God, out of love for God; he gave his life for Him.

Our prayer and our blessing have only as much power as we give to God from ourselves, and exclusively only for God, and not to please people or for the sake of glory, or the sake of honor and not that people would honor us in the future, but naturally from love for God. And undoubtedly his prayer and blessing had strength because of the many torments he was able to endure, because of the pain he was able to bear, for the sake of the cross he was able to carry on his shoulders with love for Christ, not complaining, not becoming indignant, not murmuring, but conversely, rejoicing.

You can ask yourself, why do I say “not murmuring” and how I know that he wasn’t afraid in prison when he awaited death? Perhaps, before the emperor arrived to the city, he easily performed many great acts, and then he was afraid and trembled and sat in prison in fear, thinking how stupid he was—should he stop then or do everything in secret or some other way? Maybe you think, how do we know this? We know this from that same fact that, dying, he raised his arm. And what does it mean to do this; what does it mean to die in this way?

We all know that death is terrible, that before the face of death a man becomes sincere, and therefore the ancient fathers gathered in the desert and by the manner of [death](#) of some monk, they learned what kind of life he had. Before the face of death you don't want to pretend; it's impossible to play with death. In your dying pains and fears, in the experience of your final moments of life, there you show who you are—you show your true colors. Thus the fathers gathered in deserts and accompanied a monk departing to that world, laboring in prayer with him, that his soul would depart more easily, that it would be sent to peace, to the palaces of the righteous. And by how he died, how he looked at death, they understood what his life was like.

So in this gesture of St. Demetrios is seen his whole life, especially his mentality, and his love for God. Before death won't you think how young you are, and why should you die now? ... Don't you think several people whispered this to him? Don't you think many advised him to pretend that he worshiped idols in order to save his life? Or told him to flee while the emperor still had not arrived? He could have done a lot of things, but he didn't want to.

And we see how he died, and this gesture of his clearly shows us that he didn't think about himself, didn't cherish himself, didn't love himself, didn't cry out of self-pity, but loved Christ, and the wounds of Christ caused him more pain than his own, and not necessarily the visible wounds of Christ, but moreso the invisible wounds and sorrow of God at seeing the fear, the haste with which everyone fell away, the cowardice of man—the sorrow of God, Who laid down His life for man, fully trusting him.

And what did He, Who as if gave man *carte blanche*, receive in return? He gives you everything beforehand, He loves you even before you realize that He loves you. But man, despite this, retreats and runs away, man, despite this, finds a justification for himself to stand back and not confess Him.

But St. Demetrios was not one of these. St. Demetrios was one of those who are pained by this sorrow of God, at the site of this pain of God, more than His physical pain on the Cross. And he desired to die just as Christ died, as if to say: “Let my pain at least a little bit ease the pain of God”—that pain which is unending.

Christ experienced the pain of man's renunciation of God not only then when He said: *My soul is exceeding sorrowful*.^[3] He says it not only then. He says it even now, seeing the petrification and fear and flight of man. To see man, to whom He appeared every day, conversed with every day in silent prayer, helped every day, comforted every day by His

blessings—and to see him now easily disavowing Him and the Church, and barring God from his heart, and indifferently passing by in silence or disowning Christ in word—this is the sorrow and pain of God.

The fathers spoke about it and they said that the love of God walks wounded through the world, finding no rest for itself, for there is no one who would respond to it. It is the wounded love of God, a grieving love, because love can't be just from one side—it demands an answer from the other side. But man doesn't hurry to give an answer; man's answer is elusive. It's as if you told your loved one that you are attached to him with all your soul, you love him, that he is your friend, but he answers: "Um, yeah, me too..." His answer—is pain, pain for him who would lay down his life for his friend. Such is our Christian answer. It's quite evasive, quite timid, standing with its feet in two camps, always ready to drop everything and run away.

St. Demetrios was not this way. His life clearly shows this, but his death as well. Such a death, in which everything, right down to his last movement, is done before Christ, before God, indicates that God was ceaselessly in his heart; it means that in his heart he unceasingly thought about Him; it means that his heart was in love with God and loved His every movement. Every movement and everything that happened with God were for him pain and joy—they were for him everything.

And therefore, I think, God was able to act through him. Therefore God so loved him. Therefore to this day so many miracles have been performed at his grave, near his sacred bones. Therefore we now say about him (for those placing all their hope in God will never die): *he that believeth in Me shall never die, but is passed from death to life.*^[4]

He passed from death to life, and we will remember this both in this age and in the age to come. And we can say the same as Caesar, being thirty-five or forty years old and speaking with human reasoning, said to the statue of Alexander the Great: "At twenty-five years old you conquered the whole world, but I, at forty, have done nothing..."

It is all the more befitting for us to say at the icon of St. Demetrios: "At twenty-one years old you so loved Christ, but we..." But, having grown old in our wickedness, we are unable to say this, from year to year, from minute to minute, not adding good to good, but often evil to evil.

May God help and strengthen us.

Fr. Cyprian Negryanu